

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС КАК ПОЛЕ ДЛЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ¹

*Н. М. Азарова*²

Исследуются дефисные образования в философском дискурсе на материале русского, французского и немецкого языков, выделяются основные словообразовательные модели, использующие дефис. Дефис в философском дискурсе оказывается языковым средством передачи диалектического мышления, выражающим концептуализацию предельного-непредельного, недоопределенности (или становящейся определенности), движения и покоя. Дефисные образования в философских текстах реализуют стремление к идеальной диалектической форме в языке, которая воплощает слияние прерывности и непрерывности, нерасчлененности и членения. Дефис выступает средством, способствующим образованию понятий как нерасчлененных фоносемантических комплексов, отражающих прообразы (первообразы) вещей. В этом смысле дефис можно воспринимать в качестве инструмента языкового и дискурсивного трансфера.

Основная функция дефиса в большей части вновь создаваемых образований философского текста — концептуализирующая, независимо от количества компонентов и, что самое главное, независимо от выделяемых традиционно позиций дефиса: внутрисловной, разделяющей (или межсловной), объединяющей.

Дефис выступает как общий когнитивный механизм, характерный для философского дискурса, а также как средство образования единого понятийного комплекса вокруг центрального концептуализируемого компонента.

Ключевые слова: концептуализация, дефис, философский дискурс, словообразование.

В философском дискурсе мы сталкиваемся со специфическим языковым феноменом — «дефисными образованиями». Обращение к дефису, на первый взгляд кажущееся формальным графическим приемом, на самом деле представляет собой в области, смежной для словообразования и дискурса, явление, отражающее взаимосвязь философского и языкового мышления. Может быть, поэтому дефисные комплексы в философском дискурсе могут служить одним из наиболее эффективных доказательств продуктивности когнитивно-дискурсивного подхода к словообразованию, предложенного Е. С. Кубряковой, — подхода, который «является концептуальным, поскольку он направлен на выделение главных концептов (смыслов) человеческого сознания, или же... когнитивным, поскольку, с одной стороны, сами концепты как от-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130) в Институте языкознания РАН.

² Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Большой Кисловский пер., 1, стр. 1.
doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-3

Поступила в редакцию 18.09.2017 г.

© Азарова Н. М., 2017

дельные оперативные единицы сознания оказываются продуктами ментальной, мыслительной, когнитивной деятельности, а с другой — и потому, что в анализе этих единиц и образуемых ими объединений (структур знания) используется методика соотнесения этих единиц и структур с языковыми формами, сложившаяся в области когнитивной науки и направленная на их выявление в языке и через язык» [3, с. 252–253].

Мы рассмотрим дефисные образования³ в качестве средства концептуализации в философском дискурсе на материале как оригинальных, так и переводных философских текстов. Параллельные примеры из оригинальных философских текстов на других европейских языках свидетельствуют о том, что рассмотренные когнитивные процессы в дефисном словообразовании универсальны для философского дискурса. Дефисизация — это общий когнитивный механизм, а не специфическая модель, характерная для словообразования одного языка.

Необходимо отметить, что исторически в русском языке дефис соотносился в сознании говорящих с концептуализацией предельного-непредельного, причем не только в пространственном, но и во временном аспекте.

Важно обратить внимание на те случаи, когда в XIX в. устойчиво (нормативно) писались через дефис слова, которые в современном языке через дефис не пишутся (либо слитно, либо раздельно), в частности *не* со словами разных частей речи: *не-христианский, не-страдания* [7, с. 20].

В философском дискурсе XX в. фигурируют те дефисные образования, которые язык уже перестал осмыслять как нормативные. Однако благодаря своей распространенности в философских текстах они начинают осознаваться говорящими как нормативные именно для языка философии. Так, модель с дефисным написанием *не* уже в начале XX в. воспринималась как нормативная для философских текстов: *не-являющемся, не-моральное, момент не-покоя* (Ф. Гегель, пер. Г. Шпета); «не-покой, т.е. не-сущее» (А. Лосев). Более того, написание *не* не через дефис в сознании говорящего могло осмысляться как отступление от внутренней нормы философского дискурса: «философская мысль ищет в явлении *не* явления» (И. Ильин).

В связи с изменением характера философской мысли на протяжении всего XX в. наблюдается возрастание количества дефисных образований. Это объясняется прежде всего тем, что дефисные образования способны ответить задаче «напряжения понятия», требованию внимания к «понятию как таковому». Задачей философа может стать снятие словесной оппозиции дискретности и континуальности, так что слово может выступать и самостоятельно, и в составе некоего нерасчлененного комплекса, что ставит вопрос о границах слов, возникает некое гиперслово (*l'Être-révéle-luimême-à-lui-même-dans-la-Totalité-de-sa-réalité* (А. Кожève)) и вообще в идеале весь текст стремится к разбиению на эти ритмические гиперслова. Такой подход, выявляя максимум воз-

³ Образование дефисных комплексов как активный процесс в современной русской художественной речи, прежде всего в поэтических текстах, уже привлекало внимание лингвистов [6; 9; 10].

можных валентностей слова без строгой иерархии обязательности возникающих связей, неизбежно превращает понятие в то, что во второй половине XX в. подразумевалось под концептом.

Начиная с 1930-х гг. дефисные образования различного типа активно используются русскими философами и становятся нормативными для современного философского текста.

В этом языковом процессе роль триггера, с одной стороны, сыграли переводы с немецкого, и прежде всего перевод гегелевской «Феноменологии духа» Шпетом на русский язык, поддержанный восприятием, толкованием, интерпретацией и появлением параллельных гегелевским дефисным терминам и понятиям в русской философской литературе 20–30-х гг. XX в. С другой стороны, резкое увеличение частотности дефисных образований в конце XX — начале XXI в. объясняется как собственным становлением русского философского текста, так и вторичным влиянием немецкого (в первую очередь, текстов Хайдеггера, например «*im Sich-vor-sich-selbst-stellen und so Sich-aufstellen*»), а также переводами французской философии.

Для Шпета⁴ дефис позволяет соотнести единичные понятия друг с другом, образуя своеобразную дефисную подсистему внутри общей гегелевской терминологической системы. Таким образом, дефис у Шпета является не только словообразовательным, но и динамическим текстовым средством.

Системно ряд дефисных понятий (или сложное понятие с дефисной и недефисной частями) связан с идеей «работы понятия» [1, с. 38] и с мыслью о том, что существуют «слова, которые предполагают значение, до которого еще нужно добраться» [1, с. 43]. Ссылка на то, что значение общеизвестно — это лишь предлог, чтобы уйти от главного, то есть дать понятие. В этом смысле ряд связанных друг с другом дефисных образований в философском дискурсе как раз призван не довольствоваться общеизвестным значением.

Развитие сочинительных дефисных терминов в русском философском дискурсе является наиболее ранним, но необходимо отметить, что большей частью это были существительные («Слово-смысл-идея» (С. Булгаков)), однако обращает на себя внимание возникновение в середине XX в. многочисленных глагольных дефисных терминов. Интересно, что Карсавин, вводя дефисный глагольный термин *становится-погибает-воскресает*, эксплицирует его семантику как совмещение цельности (и в то же время дискретности) и развития (как континуальности и становления): «Определение наше выражает только целость, только "сразу" временного движения, в котором "я" последовательно становится-погибает-воскресает» (Л. Карсавин).

Действительно, во второй половине XX — начале XXI в. наблюдается значительное расширение круга лексических составляющих дефисных образований: «живет-чрез-смерть» (Л. Карсавин); «вот-этого-ребенка», «вновь-общности» (Г. Батищев); «принимаящее-допускающее-вмещающее» (В. Биbihин); «пространство-на-границе» (В. Подорога); «всегда-уже-данных» (В. Малахов).

⁴ О поэтике и системе понятий у Шпета см.: [2].

Дефисные образования можно рассматривать по отношению к семантике предельного-непредельного («Обнаруживающая себя в наималейшем акте недостижимость совершенства и есть ограниченность, предел меня-несовершенного, "средостение" между мною-несовершенным и -совершенным» (Л. Карсавин)) и недоопределенности, или становящейся определенности, к концептуализации движения и покоя.

Появление дефисных образований в философском дискурсе объясняется также стремлением найти идеальную (или более-менее адекватную) диалектическую форму в языке; эта форма призвана быть воплощением диалектического слияния прерывности и непрерывности, нерасчлененности и членения. Так, Лосев декларирует: «...нас интересует момент совпадения прерывных и непрерывных элементов языка. Без этого совпадения, конечно, никакое языковое творчество невозможно» [5, с. 456]. Лучше всего это демонстрируют примеры *этимологизирующего дефиса*. Процессы этимологизации и дефисного образования словесно-семантических комплексов в этом смысле можно считать взаимосвязанными: «...немецкое слово Mensch этимологически связано, например, с латинским mens, английским man или русским па-мять (где па — непродуктивная частица, указывающая на сниженную интенсивность предмета, обозначенного корнем слова)... так что общее понятие человека... сужено до выдвигания на первый план человека как интеллектуального существа» [5, с. 12]. Задача философа — расчленил (объединил) так, чтобы слово Mensch и понятие человек соотносилось в целом не только с этимомом mens, но и со словом *память*, и это соотношение порождало понятие «интеллектуальное существо». В этом смысле задача дефисного расчленения слова в философском дискурсе — это расчленил так, чтобы целое оставалось нетронутым (иными словами, «неаналитическое членение»).

Дефисные образования — это и попытка преодолеть оппозицию *движения / покоя*. Объединяющий дефис ведет к относительному покою (к номинализации) как преодолению синтагмы, а разъединяющий дефис приводит в движение покоящиеся единицы. В результате образования способны выразить семантику движущегося покоя или покоящегося движения. Однако это не два типа дефиса, а когнитивная способность дефисного словообразования актуализировать диалектическое мышление.

При описании дефисных комплексов необходимо учитывать не только словообразовательные модели и частеречный состав, но и частеречные трансформации, возникающие внутри дефисного комплекса (например, номинализация предлога и др.). Безаффиксальная транспозиция — замечательное доказательство существования у каждой кардинальной части речи нескольких ведущих и в определенном смысле первичных значений, а потому ее исследование и детальное описание — один из возможных путей изучения концептуальных оснований частей речи [3, с. 200].

Дефис, объединяя слова в семантический комплекс, одновременно концептуализирует как целый комплекс, так и отдельный элемент; и наоборот, разделяя слово на сегменты и концептуализируя отдельный сегмент (например, префикс или частицу), он одновременно объединяет выделяемые части слова на новом основании. Отсюда следует, в частности, возможность появления об-

разований с несколькими дефисами, как объединяющими слова, так и разделяющими слово, в которых тем не менее дефис выполняет одну и ту же функцию концептуализации: «В-отношении-пред-стоящее» (М. Бубер), «Взгляд-в-даль» (В. Подорога).

Центральным концептуализируемым элементом, или центральным элементом, вокруг которого выстраивается (собирается) комплекс, может быть слово или формант (префикс, частица, этимологизируемый сегмент и т. д.). Представляется возможным условно выделить сходные группы дефисных образований, появляющихся в философских и поэтических текстах, в зависимости от характера центрального концептуализируемого компонента.

Группа 1 — дефисные образования, основанные на концептуализации и обособлении одного из корней в составе сложного слова или сращения, в том числе авторского термина, а также потенциального или окказионального слова (необязательно сложного, как в уже приводившемся примере: «перво-тождество» (П. Флоренский), «человеко-соразмерность» (Г. Батищев). Для этого типа дефисных образований, динамизирующих структуру сложного слова или сращения, характерна двуударность.

Группа 2 — основанные на концептуализации дефисные образования с формантом *не-*: «Не-мир» (С. Булгаков), «не-покой» (А. Лосев).

Группа 3 — дефисные образования, центральным компонентом которых является концептуализирующий префикс. Процесс дефисизации и концептуализации префикса чрезвычайно продуктивен в языке философии: «у-словия» (В. Бибахин), «пред-дано» (В. Подорога).

Концептуализация предлога и в целом большая, чем это было в классической грамматике, его семантизация связаны с когнитивной задачей преодоления (или снятия) оппозиции дискретности и континуальности. Способность мыслить префикс одновременно и в составе слова, и как самостоятельную единицу неизбежно ведет к его концептуализации и превращению его в понятие. В некоторых вариантах модель обособления префикса в философском термине встречалась уже в начале XX в.: «со-знание» (Е. Трубецкой). Однако в конце XX в. она получает дальнейшее развитие и становится одной из самых частотных дефисных моделей у многих авторов.

Можно утверждать, что тенденция к наделению префиксов (предлогов) семантической самостоятельностью, в частности при помощи дефисной модели, — одна из основных грамматических тенденций философских текстов второй половины XX в. Более того, эта модель философского текста оказала влияние на развитие предложно-дефисных образований в текстах других типов, прежде всего в поэтических.

К этой группе примыкают двуударные дефисные образования, концептуализирующие послелог: «Один удаляется-от, другой сближается-с» (В. Подорога).

Группа 4 — дефисные образования, концептуализирующие целые предложно-падежные конструкции, которые образуют единый нерасчлененный комплекс, как правило, с семантикой имени.

Минимальной и наименее распространенной конструкцией является *prep. + N*; эти образования обнаруживают также уже отмеченный предложно-

префиксальный синкретизм: «Auf-dem-Wege» (Б. Хюбнер); возможны распространённые варианты той же конструкции: «безудержное мимо-всего-странствие» (Г. Батищев).

Чрезвычайно продуктивным вариантом этой группы в современных философских текстах выступает модель *N* (И.п.) – *prep.* – *N* (косв.п.), подразумевающая как создание единого комплекса, так и параллельно возможную концептуализацию срединного предлога, особенно пространственного. Эта модель регулярно используется для создания авторских терминов: «логика демонстративного взгляда-в-лицо» (Ж. Рансьер), «l'autre-dans-le-même» (Э. Левинас), «вхождение-в-отношение» (М. Бубер). Именно для этой модели характерен эксплицированный прием свертывания и развертывания и образования дефисного термина из фразовых единств.

В варианте *N* (И.п.) – *prep.* – *N* (В.п.), характерном для русского философского текста, происходит нейтрализация объектности существительного в винительном падеже, что позволяет сформировать единый семантический комплекс с равноположенными понятиями и одновременной концептуализацией срединного предлога.

Группа 5 – дефисные комплексы с концептуализацией центрального местоименного компонента (одного или нескольких).

Продуктивной моделью концептуализации в философских текстах XX–XXI вв. является *Pron. pers.* + *N* или *Pron. pers.* + *Adj.* (*Partic.*): «ты-образность» (С. Франк); «я-объект» (В. Эрн); «Ich-Es-Verhältnis zur Welt» (М. Бубер), «я-умирающий в Боге» (Л. Карсавин).

Группа 6 – дефисные комплексы с центральным местоимением *себя* (часто поддержанным местоимением *сам*) чрезвычайно продуктивны в философском дискурсе: «вне-себя-бытие» (А. Лосев), «сущее-ради-себя» (П. Гайденко), «moi-même-à-distance» (А. Бадью). Можно предположить, что *себя/себе* с такой легкостью входят в состав сложного термина не случайно. Местоимение *себя* не просто кореферентно субъекту, но из-за неполной парадигмы (отсутствие именительного падежа) оно наименее персональное и наименее одушевленное (по сравнению с любыми падежными формами личных местоимений, даже третьего лица); семантика местоимения *себя* уравнивает вещь и человека, оно внеперсонально (имперсонально, «обездушевленно») и в сочетании с местоимением *сам*.

Группа 7. В эту группу входят дефисные конструкции, образованные по модели *N* + *N* и представляющие собой единый концептуальный комплекс, внутри которого могут формироваться отношения соположенности, равноположенности и / или взаимопревращаемости, подчиненные, однако, созданию целого понятия: «смысл-истина не совпадает со смыслом-целью» (Е. Трубецкой), «нехотение-невозможность умереть» (Л. Карсавин), «d'une Pensée-monde» (А. Бадью). Круг компонентов, входящих в подобные образования, регулярен (*идея, смысл, истина, правда, мир, мысль* и т.п.).

Именно модель дефисного написания позволяет привести в отношения равноположенности образ и понятие: «глаз-множество» (В. Подорога).

Дефисные комплексы этой группы способны концептуализировать открытый ряд равноположенных существительных, представляемых как единое понятие: «мысль-идея-понятие-смысл-значимость слова» (С. Булгаков).

Группа 8 примыкает к последнему варианту предыдущей и включает дефисные комплексы, созданные на основе концептуализации нескольких последовательных личных форм глагола. Образования демонстрируют явную субстантивацию целого комплекса при возможности сохранения предикативности; эти образования отвечают когнитивной задаче передать диалектику концептуализируемой статики и динамики, последовательности и одновременности: «возникает-погибает-воскресает, как в нем самом любой его момент» (Л. Карсавин).

Некоторые образования подобного типа представляют собой дефисную концептуализацию глагольной парадигмы, прежде всего форм глаголов *быть* и *становиться*: «что мы разумеем под невыразимым единством — есмь-есть, которое и есть сама реальность» (С. Франк).

Группа 9. Очень продуктивны для создания авторских философских терминов дефисные образования по модели *Adv. + N* (или *N + Adv.*): «вновь-общности», «вдруг-заброшенность» (Г. Батищев), «Уже-сознание» (Ф. Гиренок). Классическим образованием этого типа является авторский термин Хайдеггера *Dasein* и его перевод (*здесь-бытие*).

Группа 10 — образование единого понятия на основе концептуализации модели *Adj. + N* (*N + Adj.*), в результате чего признак мыслится как сущностный (онтологический), неотъемлемый, а имя предстает как уже изначально содержащее этот признак («вбирает» в себя семантику прилагательного или местоимения): «завладеть сущим-Бытием сущего» (М. Хайдеггер), «l'être-confus [Бытие-неясное]», «l'être-blanc du papier [бытие-белое поле бумаги]» (А. Бадью). Возможны также аналогичные образования с концептуализируемым дейксисом: «вот-этого-человека», «вот-этого-ребенка» (Г. Батищев).

Группа 11. В состав данной группы включаются дефисные конструкции из двух существительных с *как* в центре. Необходимо отметить, что конструкции с *как* в философском тексте представляют собой регулярные структурно-семантические единства, даже если они не оформлены дефисами; дефис в современных текстах только выявляет понимание целостного семантического комплекса, исходя из приоритета обращения с целостностью. Структурирующее понимание семантики *как* Хайдеггер называет «экзистенциально-герменевтическим»: «само это — бытие-как-неБог» (С. Франк).

Группа 12⁵ включает дефисные образования, основанные на фоносемантических приемах изосиллабизма и / или повтора одинаковых или сходно звучащих элементов, причем компонентами концептуализируемого комплекса могут быть частицы и некоторые «короткие» местоимения и наречия,

⁵ В отдельную группу можно выделить дефисные комплексы, созданные на основе субстантивации и концептуализации предикативных глагольных комплексов различного типа, в том числе предложений. Эта не столь многочисленная группа встречается в основном в поэтических текстах, а для философского дискурса она менее характерна.

часть которых пишется через дефис нормативно, а часть — нет: «назначение христианства (и человека вообще)... в том, чтобы нам быть вместе, всем нам быть-вместе-во-что-бы-то-ни-стало» (А. Ванеев); таким образом, регулярным приемом является совмещение ритмического (силлабического) разделения слова и объединения «коротких» слов. Семантика нормативно пишущихся через дефис частиц при попадании в центр дефисного образования обособляется благодаря усилению экспрессивности дефисами с двух сторон; такая модель встречается в текстах второй половины XX в.: «что-то-бу-дет, чтоо-бу-дет» (Я. Друскин). Эта модель характерна для текстов переходного типа, подразумевающего междискурсивное взаимодействие.

Когнитивную стратегию дефисного словообразования в философском дискурсе можно соотнести с понятием Николая Кузанского: «...таящаяся в нас способность заключать в понятиях прообразы всех вещей, называемая мной умом, вообще не может получить соответствующего имени... Ведь наименования даются в результате движения рассудка... Отсюда я усматриваю, что, если соответствие наименования предмету может быть большим или меньшим, точного наименования мы не знаем» [4, с. 389].

Если воспользоваться терминами Кузанского, можно сказать, что дефис выступает средством *умного называния*, которое ведет к образованию понятий как нерасчлененных фоносемантических комплексов, отражающих прообразы (первообразы) вещей: дефисные комплексы, таким образом, выступают как идеальные *еще-не-понятия*.

Телеология создания дефисных понятий в философском дискурсе — это и попытка совместить воссоздание *первообраза* и *события* (рождения) *мысли*, что, например, эксплицировано в тексте Подороги: «...там, где дефис начинает действовать, слово расщепляется и, открывая в себе игру неязыковых, топологических сил, становится событием мысли: оно произносится так, как оно когда-то рождалось» [8, с. 313]. Отсюда следует, что дефис необходимо рассматривать в связи со зрительным (графическим) образом слова, причем визуальность важна не только в поэтическом, но и в философском тексте (может мотивироваться и концептуализироваться в философском тексте) — о (круг): «о-граничить, о-предметить» (А. Лосев).

Значительная часть дефисных комплексов как в философском, так и (особенно) в поэтическом тексте связана с концептуализацией пространства. Графика включает пространство (как покоящееся движение) в максимально нерасчлененный концептуальный комплекс, в котором семантика пространства подчиняется семантике имени или концептуализируется как имя. Подобный комплекс необходимо воспринимать в оппозиции к синтезу-анализу.

Можно утверждать, что основная функция дефиса в большей части вновь создаваемых образований (комплексов) философского текста — концептуализирующая, независимо от количества компонентов и, что самое главное, от выделяемых традиционно позиций дефиса: внутрисловной, разделяющей (межсловной), объединяющей. Дефис, таким образом, выступает как средство образования единого понятийного комплекса вокруг центрального концептуализируемого компонента. В этом смысле обособление разделяющей и объединяющей функции дефиса не представляется существенным.

Список литературы

1. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. Г. Шпета. СПб., 2006.
2. Густав Густавович Шпет / под ред. Т. Г. Щедриной. М., 2014.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения, роль языка в познании мира. М., 2004.
4. Кузанский Н. Сочинения : в 2 т. / пер. З. А. Тажуризиной, А. Ф. Лосева, В. В. Бибикина. М., 1979. Т. 1.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.
6. Николина Н. А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М., 2009.
7. Онацкая О. И. Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII – первой половины XIX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
8. Подорога В. А. Выражение и смысл. М., 1995.
9. Фатеева Н. А. Директории «По», «От» и... «До», или Poetical Language in Progress // Поэтика исканий или поиск поэтики : матер. Междунар. конф.-фестиваля «Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии». М., 2004. С. 79–89.
10. Фатеева Н. А. Открытая структура: О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков. М., 2006.

Об авторе

Азарова Наталья Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН, Россия.

E-mail: natazarova@icloud.com

Для цитирования:

Азарова Н. М. Философский дискурс как поле для концептуализации словообразования // Слово.ру: балтийский акцент. 2017. Т. 8, № 4. С. 31–40. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-3.

PHILOSOPHICAL DISCOURSE AND THE CONCEPTUALISATION OF WORD FORMATION

N. M. Azarova¹

¹Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1/1 Bolshoy Kislovsky Ln, Moscow, 125009, Russia

Submitted on September 18, 2017

The article studies hyphenated complexes in Russian, French, and German philosophical discourses. The author identifies key word-formation models that use the hyphen. In philosophical discourse, the hyphen serves as a linguistic tool to convey dialectic thinking that expresses the conceptualization of the limited/the unlimited, under-certainty or emerging certainty, and motion and stillness. In philosophical texts, hyphenated complexes facilitate the tendency towards a perfect dialectic

form in language – a form that embraces discreteness and continuity, division and wholeness. The hyphen is a means that contributes to the formation of concepts as undivided phonosemantic complexes reflecting the prototypes of things. In this sense, the hyphen serves as a tool for language and discourse transfer. In philosophical texts, the key function of the hyphen in newly created formations is conceptualisation. This holds true regardless of the number of components and of the position of the hyphen. The author concludes that the hyphen is a universal cognitive mechanism, characteristic of philosophical discourse; it is a means to form an integrated conceptual complex around the central component of the conceptualisation.

Key words: conceptualisation, hyphen, philosophical discourse, word formation.

References

1. Gegel', G.V.F., 2006. *Fenomenologiya dukha* [Phenomenology of the spirit]. St. Petersburg.
2. Shchedrina T.G., ed., 2014. *Gustav Gustavovich Shpet* [Gustav Gustavovich Shpet]. Moscow.
3. Kubryakova, E.S., 2004. *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya, rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the path of acquiring knowledge of the language: parts of speech from the cognitive point of view, the role of language in the cognition of the world]. Moscow.
4. Kuzanskii, N., 1979. *Sochineniya* [Works]. Moscow, vol. 1.
5. Losev, A.F., 1982. *Znak. Simvol. Mif* [Sign. Symbol. Myth]. Moscow.
6. Nikolina, N.A., 2009. *Aktsionnye protsessy v yazyke sovremennoi russkoi khudozhestvennoi literatury* [Active processes in the language of modern Russian literature]. Moscow.
7. Onatskaya, O.I., 2005. *Stanovlenie defisnogo napisaniya slov v russkom pis'me XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Becoming of hyphenated spelling words in Russian writing of XVIII – the first half of XIX century]. Cand. philol. sci. diss. thesis. Moscow.
8. Podoroga, V.A., 1995. *Vyrazhenie i smysl* [Expression and meaning]. Moscow.
9. Fateeva, N.A., 2004. Directories "by", "from" and... "to", or Poetical language in progress. In: N.A. Fateeva et al., eds. *Poetika iskanii ili poisk poetiki* [Poetics of searching or searching for poetics]. Moscow, p. 79–89.
10. Fateeva, N.A., 2006. *Otkrytaya struktura: O poeticheskom yazyke i tekste rubezha XX – XXI vekov* [Open structure: On the poetic language and the text of the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow.

The author

Prof Nataliya Azarova, Leading Research Fellow, the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: natazarova@icloud.com

To cite this article:

Azarova N. 2017, Philosophical Discourse and the Conceptualisation of Word Formation, *Slovo.ru: baltijskij accent*, Vol. 8, no. 4, p. 31–40. doi: 10.5922/2225-5346-2017-4-3.